

На правах рукописи

ЛАНДЕР ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ В ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ:
АДЫГЕЙСКИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2012

Работа выполнена в отделе языков народов Азии и Африки ФГБУН Институт востоковедения РАН.

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

доктор филологических наук, профессор
учебно-научного центра лингвистической типологии,
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»
Яков Георгиевич Тестелец

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук, доцент,
заведующий сектором ареальной лингвистики
ФГБУН Институт языкознания РАН
Андрей Александрович Кибрик

кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета
ФГБОУ ВПО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»
Екатерина Анатольевна Лютикова

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Защита диссертации состоится «___» мая 2012 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.08 при ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ) по адресу: 126993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке РГГУ.

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е. Е. Арманд

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект исследования работы — относительные конструкции, которые рассматриваются на материале адыгейского языка, принадлежащего абхазо-адыгской семье и характеризующегося полисинтетическими чертами. Этот материал подвергается типологическому сопоставлению с данными об относительных конструкциях других языков.

Относительными здесь именуются конструкции, удовлетворяющие двум условиям:

(i) конструкция содержит (по меньшей мере) две предикации — матричную (главную, вышестоящую) и относительную (релятив), причем вторая всегда является синтаксически подчиненной по отношению к первой;

(ii) функция конструкции состоит в том, чтобы описать одного из участников ситуации, выраженной главной предикацией, через его участие в ситуации, обозначенной подчиненной предикацией.

Для участников ситуации и их выражения — независимо от того, идет ли речь об актанте, сирконстанте или глубоко вложенной группе, — в работе используется термин *партиципант*. Под *релятивизацией* партиципанта понимается соотнесение его участия в ситуации, обозначенной зависимым предложением, с его участием в ситуации, описываемой матричной предикацией; если при этом задействуется конкретная синтаксическая роль или синтаксическая позиция партиципанта в зависимом предложении, можно говорить о релятивизации этой роли или позиции. Имя, описывающее такого партиципанта, называется *семантической вершиной* относительной конструкции. Если относительное предложение и семантическая вершина составляют единую грамматическую единицу, она именуется *матричной именной группой*. Выражение информации, на основе которой строится описание участия релевантного партиципанта в ситуации, обозначенной зависимой частью, образует *область релятивизации*. Во многих случаях область релятивизации совпадает с относительным предложением; семантическая вершина может включаться или не включаться в область релятивизации в зависимости от конструкции.

В настоящем исследовании в типологической перспективе — в первую очередь в перспективе связи грамматических характеристик с поли-

синтетизмом — рассматриваются адыгейские именные группы, которые содержат вложенное предложение, как, например¹:

(a) *psaw-ew wə-qe-z-be-ne-be č'ale-r*
целый-ADV 2SG.ABS-DIR-REL.A-CAUS-остаться-PST парень-ABS
'парень, который тебя спас'

(b) *mef-jə-ɬ^w χ^wə-ɤ-ew qə-w-a-že-re-r*
день-LNK-два случаться-PST-ADV DIR-2SG.IO-DAT-ждать-DYN-ABS
'тот, кто тебя уже два дня ждет'

В работе показывается, что адыгейские относительные конструкции обладают нестандартными свойствами, которые в значительной степени обусловлены полисинтетическими характеристиками адыгейского языка. В связи с этими свойствами обсуждаются также относительные конструкции других языков и предлагается их типологическая классификация.

Актуальность исследования. Относительные конструкции — один из фрагментов грамматики, наиболее активно исследуемых в типологической литературе. Такой интерес связан в первую очередь с нетривиальными ограничениями на релятивизацию и разнообразием относительных конструкций, показанными Э. Кинэном, Б. Комри, К. Леманом, А.А. Зализняком, Е.В. Падучевой и другими. В последнее время были достигнуты значительные успехи в изучении семантики относительных конструкций (см. в этом отношении, в частности, работы А. Гросу и Ф. Ландмана). Между тем, универсальность выдвинутых для относительных конструкций обобщений до сих пор оспаривается, и поэтому особо важным становится привлечение материала языков, ранее в этой связи рассматривавшихся минимально.

¹ В примерах используются следующие сокращения: А агент; ABS абсолютив (падеж или роль); ADD аддитивная частица; ADV адвербиальный суффикс; AUX вспомогательный морфологический элемент; BEN бенефактив; CAUS каузатив; COM комитатив; CNV конверб; COORD сочинительная частица; DAT дативный преверб; DIR направительный преверб; DYN показатель динамичности; FACT показатель факта; FUT будущее время; IMP императив; INC инцептив; INS инструментальный падеж; IO непрямо́й объект; LNK линкер (соединительная морфема); LOC локативный префикс; MNR префикс образа действия; MOD модальный суффикс/показатель масдара; NEG отрицание; OBL косвенный падеж; PL множественное число; PP объект послелого; PR посессор; POSS посессивный префикс; PST прошедшее время; RE репититив/редитив; REAS префикс причины; REL относительный префикс; RFL рефлексив; SG единственное число; SML симулятив ('казаться'); TMP темпоральная роль. Цифры указывают на лицо.

Благодаря тому, что пик исследований по релятивизации совпал с расцветом описательной лингвистики, удалось выявить некоторые зависимости между типологическими характеристиками языков и особенностями встречаемых в них относительных конструкций. Это касалось, в частности, полисинтетических языков, специфика релятивизации в которых изучались в работах Дж. Николс, Э. Джелинек, А.А. Кибрика, М. Бейкера. Тем не менее по большей части эти работы были посвящены лишь отдельным аспектам строения относительных конструкций.

Следует подчеркнуть, что в последние десятилетия полисинтетические языки вызывают особый интерес типологов (см. работы М. Бейкера, А.А. Кибрика, М. Фортескью, Н. Эванса и других). Как оказалось, эти языки зачастую нарушают теоретические предсказания и демонстрируют неожиданные черты, в том числе и в устройстве полипредикативных конструкций. Тем самым, изучение адыгейских относительных конструкций способствует и раскрытию специфики полисинтетических языков.

Для адыгейского языка описание относительных конструкций особенно важно, поскольку в этом языке релятивизация играет значительно более существенную роль, чем во многих других языках: она активно используется, в частности, в фокусных конструкциях, при построении вопросов (в том числе и косвенных), при образовании некоторых типов сентенциальных актантов и временных придаточных.

Цель исследования состоит в описании относительных конструкций адыгейского языка и выявлении их типологической специфики.

В соответствии с этой целью, в круг задач исследования входят:

- уточнение грамматических свойств адыгейских относительных конструкций;
- выявление грамматических ограничений, налагаемых на относительные конструкции в адыгейском языке;
- сопоставление грамматических черт адыгейских относительных конструкций с общими типологическими характеристиками адыгейского языка;
- определение места адыгейских относительных конструкций и их разновидностей в типологии относительных конструкций;
- построение непротиворечивой типологии грамматических явлений, наблюдаемых в адыгейских относительных конструкциях.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Для адыгейского языка нельзя постулировать морфологическую категорию причастия, сравнимую с аналогичной категорией в европейских языках. Это обусловлено полисинтетической природой адыгейского языка, особыми свойствами его морфологии, которые препятствуют его описанию в терминах словоизменения. Адыгейские относительные конструкции представляют собой случай некатегориального подчинения — подчинения, не связанного ни с подчинительными союзами, ни со специальными формами вершины зависимой составляющей.

В целом, некатегориальное подчинение — распространенное в языках мира явление, которое, однако, демонстрирует значительное разнообразие: оно допускает разные способы выражения зависимого статуса предикации и может иметь разное происхождение.

2. Для адыгейского языка, как и для многих других языков, имеет смысл противопоставлять конструкции с выраженной внешней (постпозитивной) семантической вершиной (полные относительные конструкции) и конструкции без таковой (свободные релятивы). Имеются также конструкции с вложенной семантической вершиной, оформленной адвербиальным показателем, которые структурно не противопоставлены прочим.

Хотя вложенная семантическая вершина располагается внутри относительного предложения, она не входит в область релятивизации; этим адыгейские конструкции с вложенной вершиной отличаются от аналогичных конструкций в некоторых других языках (например, в японском). Такие отличия, равно как и принятое в типологии противопоставление вложенной и внешней вершин удобно описывать через разницу в степени спаянности относительного предложения и семантической вершины. Эта степень в свою очередь коррелирует с функцией относительного предложения, а именно с тем, устанавливает ли оно референцию матричной группы, ограничивает ли оно такую референцию или только добавляет новую информацию об уже введенном объекте универсума дискурса.

3. В адыгейском предложении релятивизируется множество позиций, благодаря богатству глагольной морфологии. Здесь также представлено уникальное или крайне редкое явление релятивизации актантов, которые в независимых

предложениях в качестве актантов не выражаются. Кроме того, адыгейский, как и другие живые абхазо-адыгские языки, демонстрирует редкий тип множественной релятивизации — релятивизацию нескольких кореферентных актантов в одном предложении. Релятивизация актантов зависимых частей полипредикативных конструкций в адыгейском языке, по-видимому, не может быть сведена к одной относительной конструкции и предполагает последовательную релятивизацию кореферентных актантов в разных частях полипредикации.

Наблюдаемые в адыгейском языке явления дают повод для построения типологии дистантной релятивизации, основанной на синтаксических отношениях в полипредикации и на наличии/отсутствии ограничений, связанных с релятивируемым партиципантом, в разных частях сложной конструкции.

Научная новизна. Адыгейские относительные конструкции изучались с точки зрения основных параметров типологии относительных конструкций лишь частично и почти не сопоставлялись с другими языками. Это создало определенную лакуну в исследованиях относительных конструкций, поскольку относительные конструкции в адыгейском языке обнаруживают множество особенностей, которые представляют интерес для лингвистической типологии.

Конкретные грамматические явления, исследованные в работе в типологической перспективе, до сих пор подвергались лишь фрагментарному изучению. Это позволяет автору диссертации предложить обобщения и типологические схемы, ранее не описанные в литературе.

Теоретическая значимость. В работе дано описание нетривиальных свойств адыгейской релятивизации (например, наличия аналогов относительных местоимений в препозитивных относительных предложениях, возможности одновременной релятивизации нескольких кореферентных ролей), которые нарушают распространенные представления об относительных конструкциях. Для некоторых особенностей предложено объяснение, основанное на общих типологических характеристиках адыгейского языка. Введено понятие категориального подчинения, уточнено место относительных конструкций с вложенной вершиной в понятийной системе, связанной с релятивизацией. Предложено исчисление типов конструкций дистантной релятивизации.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы при разработке систем анализа адыгейских текстов, для описания морфологии и синтаксиса абхазо-адыгских языков, при подготовке учебных курсов по морфологии, синтаксису и лингвистической типологии.

Основным материалом исследования явились опубликованные тексты на адыгейском языке, записи устной речи, произведенные в ауле Хакуринохабль и в Хатажукайском сельском поселении (Республика Адыгея) и в ауле Агуй-Шапсуг (Краснодарский край), данные, собранные в результате опроса информантов (элицитации) в ходе работы Адыгейских лингвистических экспедиций Российского государственного гуманитарного университета в 2003—2007 и 2010 годах и во время личной полевой работы автора в городе Майкоп (Республика Адыгея) в 2008 и 2011 годах. Материал, собранный в Майкопе, Хакуринохабле и Хатажукайском сельском поселении призван отразить литературный адыгейский язык и темиргоевский диалект, на котором основан литературный язык; материал, собранный в Агуй-Шапсуге, отражает один из говоров шапсугского диалекта адыгейского языка.

Для типологического сравнения использовались данные грамматических описаний ряда языков, а также материал по бесленеевскому диалекту кабардино-черкесского языка, удинскому языку и тантынскому диалекту даргинского языка, полученный в ходе полевой работы автора в Азербайджане, Грузии, Республике Адыгея и Республике Дагестан в 2004—2011 годах.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены и обсуждены, в частности, на Первой международной конференции «Синтаксис языков мира» (Лейпциг, Германия, август 2004 г.), XXXVII Международном конгрессе востоковедов (Москва, август 2004 г.), конференции «Понимание в коммуникации 2005» (Москва, февраль 2005 г.), рабочем совещании по отглагольным деривациям (Москва, апрель 2005 г.), Второй конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ноябрь 2005 г.), Втором международном симпозиуме по полевой лингвистике (Москва, октябрь 2006 г.), конференции «Морфосинтаксис языков Кавказа» (Париж, Франция, декабрь 2006 г.), конференции «Контенсивная типология естественных языков» (Махачкала, апрель 2007 г.), Первом международном конгрессе кавказове-

дов (Тбилиси, Грузия, октябрь 2007 г.), международной конференции «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира» (Тбилиси, Грузия, май 2009 г.), Первой международной конференции «Морфология языков мира» (Лейпциг, Германия, июнь 2009 г.), конференции «Типология морфосинтаксических параметров» (Москва, декабрь 2011 г.), научных семинарах Адыгейских лингвистических экспедиций, научном семинаре отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, семинаре «Вести с полей» при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Легший в основу диссертации материал использовался автором при чтении учебных курсов «Типология именных групп», «Проблемы полисинтетизма» и «Адыгейский язык» в Российском государственном гуманитарном университете. Работа прошла обсуждение в отделе языков народов Азии и Африки ФГБУН Институт востоковедения РАН.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения и библиографии, насчитывающей более 400 наименований отечественных и зарубежных работ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение состоит из пяти разделов.

В первом разделе дается определение относительных конструкций, обсуждаются их типологическое разнообразие и предложенные в литературе ограничения на их функционирование. Кроме того, дополнительно обосновывается предложенное Б. Комри противопоставление между синтаксически ориентированной релятивизацией, для которой партиципant ситуации, обозначенной относительным предложением, определяется благодаря его синтаксической роли (*мишени релятивизации*), и семантически ориентированной релятивизацией, в которой то, какой партиципant зависимой ситуации релятивизуется, определяется на основании контекста и лексической семантики участников конструкции.

Во втором разделе обсуждается понятие полисинтетизма. В литературе нет общепринятого понимания полисинтетизма, хотя и существуют языковые черты, традиционно ассоциируемые с этим понятием, в частности, морфологическая сложность (Дж. Гринберг), полиперсонное индексирование актантов в глаголе, функционирование глагольной словоформы как целого предложения

(например, Н. Эванс и Х.-Ю. Сассе), инкорпорация (М. Бейкер), свойства морфологии, отличные от тех, что приписываются каноническому словоизменению и каноническому словообразованию (В. де Рейзе).

Третий раздел содержит общие сведения об адыгейском языке, его относительных конструкциях, а также о контекстах их употребления. Кратко рассматриваются представления об адыгской релятивизации, представленные в трудах Г.В. Рогавы, З.И. Керашевой, А.К. Шагирова, Н.Т. Гишева, Б.Ч. Бижоева, Б.Дж. Хьюита, К. Парис, И. Капонигро и М. Полинской и других. Здесь же формулируются основные положения исследования.

Четвертый раздел представляет материал исследования, специально обсуждаются техника элицитации, а также значительная вариативность, наблюдаемая при построении сложных морфологических форм носителями адыгейского языка.

В пятом разделе излагается структура исследования.

Глава 1. Некоторые вопросы адыгейской грамматики. В этой главе даются наиболее существенные сведения о грамматике адыгейского языка. Особое внимание уделено нетривиальным грамматическим особенностям, существенным для функционирования относительных конструкций.

В разделе «Типологический профиль адыгейского языка» излагаются базовые характеристики исследуемого языка. Адыгейский язык характеризуется как агглютинативный и полисинтетический. Синтаксические функции маркируются, с одной стороны, в вершине конструкции с помощью индексирования актантов личными префиксами, а с другой — на зависимых элементах падежными суффиксами и другими показателями синтаксической зависимости. Порядку морфологических и синтаксических тестов адыгейский язык проявляет свойства эргативного. Порядок слов — свободный, но обычно зависимые элементы предшествуют вершинным.

Раздел «Сведения об адыгейской морфонологии» включает краткое описание основных морфонологических процессов.

В разделе «Адыгейское слово и его структура: общие положения» указывается на сложности, возникающие при определении адыгейского слова. Тем не менее его можно выделить на основании единообразной структуры, определяющей порядок элементов внутри слова и включающей пять зон:

Зона актантной структуры	Предосновные элементы	Каузативные показатели	Основа	Окончания
(A)	(B)	(C)	(D)	(E)

Например, словоформа *zətəveš^wənew* ‘чтоб не дать себе промокнуть’ делится на зоны следующим образом:

$[z-a-]_A [mə-]_B [ve-]_C [š^wə-n]_D [-ew]_E$

$[RFL.ABS-3PL.A-]_A [NEG-]_B [CAUS-]_C [мокнуть-MOD]_D [-ADV]_E$

Так же делятся на зоны именные комплексы — сложные структуры с инкорпорацией определений; ср. комплекс ‘одно ее шелковое красивое платье’:

$[∅-jə-]_A [zə=šwelk=ž'ene=daxe]_D [-r]_E$

$[3SG.PR-POSS-]_A [один=шелк=платье=красивый]_D [-ABS]_E$

Впрочем, в адыгейском языке есть конструкты, отклоняющиеся от этой схемы, но имеющие морфонологические свойства единого слова: таковы некоторые именные комплексы и сочетания основ с вспомогательными глаголами.

В разделе «Особенности функционирования полисинтетической морфологии» обращается внимание на то, что морфология адыгейского языка по своим свойствам обнаруживает значительные сходства с синтаксисом, отличающие ее от канонического словоизменения и канонического словообразования в том смысле, в котором эти понятия используются для языков «среднеевропейского стандарта». Порядок морфем внутри большинства зон семантически обусловлен. Благодаря этому в адыгейском языке допускаются значимые перестановки аффиксов (ср. словоформы *qə-g^wə-rə-ʔ^we-ka-š^we* [DIR-сердце-LOC-говорить-PST-SML] ‘кажется, он понял’ и *qə-g^wə-rə-ʔ^we-š^wa-β* [DIR-сердце-LOC-говорить-SML-PST] ‘казалось, он понимал’) и ограниченная морфологическая рекурсия (последовательное применение одной и той же морфологической операции более одного раза). Наличие/отсутствие аффиксов в словоформах часто лексически не обусловлено: в контекстах, когда соответствующее значение нерелевантно, могут отсутствовать даже показатели, появление которых обычно мотивировано семантикой основы (например, префикс агенса отсутствует при переходных основах в результативных формах вроде *k^weçə-ve-č'ereza-β* [LOC-CAUS-крутить-PST] ‘скрученный’).

В разделе «Выражение актантов» обсуждается часто поднимаемый для полисинтетических языков (см., например, работы Р. Ван Валина, Э. Джелинек, А.А. Кибрика, Э. Митун) вопрос о том, могут ли актанты предиката выражаться не на уровне синтаксиса, а на уровне морфологии. В адыгейском языке имеются префиксы актантов, которые способны самостоятельно устанавливать их референцию: выбор префиксов основан на семантике, а не на формальных свойствах соответствующих им именных групп, само появление этих групп не обязательно, отношения кореферентности могут выражаться внутри словоформы префиксами рефлексива и реципрока, имеющими дистрибуцию, аналогичную дистрибуции личных префиксов. С учетом этого предлагается противопоставить в структуре предложения *ядро*, обязательно включающее сказуемое с выражающими актанты личными префиксами и, возможно, абсолютивную группу), и *периферию*, включающую сирконстанты и факультативные именные группы, описывающие актанты (ср. аналогичное решение для сходных языков, принятое в работах Р. Ван Валина).

В разделе «Проблема противопоставления глагола и имени» рассматриваются признаки, по которым в адыгейском языке контрастируют важнейшие части речи. В абхазо-адыгских языках достаточно четко выделяются динамические и статические основы. В то же время именные и глагольные основы плохо противопоставляются по морфологической сочетаемости, хотя и существуют аффиксы, которые удобно описывать как образующие имена из глаголов (например, суффикс образа действия *-č'e*, суффикс деятеля *-k^we*, суффикс места *-pe*); кроме того, основы противопоставляются на уровне морфологии по возможности быть модифицированными в составе именного комплекса. Синтаксическая дистрибуция имен и глаголов на уровне предложения сходна: и те и другие способны как выступать в функции сказуемого, так и описывать актанты (ср. предложения *hač'e-r k^wa-ve* [гость-ABS идти-PST] 'Гость пошел' и *k^wa-ve-r hač'e* [идти-PST-ABS гость] 'Тот, кто пошел, — гость'). Принципиальный критерий противопоставления имени и глагола действует в именных группах: только имена выступают в качестве вершин, модифицируемых относительными предложениями.

Глава 2. Морфология адыгейской релятивизации. Поскольку адыгейский язык является полисинтетическим, наиболее существенные функции при образо-

вании относительных конструкций — указание на подчиненный статус относительной предикации и на то, какая роль релятивизируется, — ложатся в нем на морфологию. В свете этого естественным было решение многих исследователей описывать рассматриваемые конструкции через морфологически определяемую категорию причастия. Тем не менее в этой работе такое решение оспаривается.

В зависимости от состава префиксов актантной структуры в адыгейском языке противопоставляются две стратегии релятивизации (два способа указания на мишень релятивизации):

(i) используемая при релятивизации абсолютного актанта немаркированная стратегия, при которой личный префикс абсолютного актанта отсутствует (*s-ʔəv tɬələ-r* [1SG.A-держатъ книга-ABS] ‘книга, которую я держу’), что делает форму сказуемого тождественной с точки зрения выражения актантной структуры форме с абсолютным актантом 3-го лица;

(ii) прономинальная стратегия, при которой появляется релятивный префикс, заменяющий личный префикс релятивизованного партиципанта, и которая используется в остальных случаях (*dwembajə-r qə-zə-š'ečə-n š'ečəle* [зубр-ABS DIR-REL.A-взвесить-MOD весы] ‘весы, которые смогли бы взвесить зубра’).

Прономинальная стратегия задействуется не только при релятивизации актантов глагола, но и при релятивизации других партиципантов, которые могут быть выражены личными префиксами, — например, при релятивизации possessора (*zə-š'weš χ'ə-re çəfə-r* [REL.PR-уверенность случаться-DYN человек-ABS] ‘человек, у которого есть вера’), поэтому она не позволяет противопоставить формы причастия прочим глагольным формам. При релятивизации причины, подразумевающей присутствие в сказуемом префикса причины *č'e-*, релятивный префикс факультативен (*(zə-)č'-jə-ʔ'wə-ve-r* [(REL.IO-)REAS-3SG.A-говорить-PST-ABS] ‘то, почему он это сказал’).

В то время как в неотрицательных независимых предложениях динамические глаголы настоящего времени маркируются префиксом динамичности *e-/me-*, в относительных предложениях вместо него обычно появляется суффикс динамичности *-re* (*ə-ʔ'we-re-r* [3SG.A-говорить-DYN-ABS] ‘то, что он говорит’). Этот показатель не может описываться как показатель причастия, поскольку он встречается и за пределами относительных конструкций — в независимых

предложениях в сочетании с показателем отрицания *-ep*, в некоторых обстоятельственных предложениях и в общих вопросах.

Отрицание в относительных предложениях выражается префиксом *тə-*, а в независимых предложениях — как правило, суффиксом *-ep*. Префиксальное отрицание, однако, нельзя считать признаком подчинения, поскольку оно может появляться и в независимых предложениях. Автором работы совместно с Н.Р. Сумбатовой было обосновано представление, согласно которому суффикс *-ep* кодирует отрицательное значение оператора истинностной оценки всей выражаемой в высказывании пропозиции, а префикс *тə-* выражает прочие виды отрицания. Тогда появление в относительных предложениях отрицательного префикса объясняется тем, что в сферу действия отрицания в этом случае передаваемая высказыванием пропозиция попадает не целиком или не попадает вовсе.

У некоторых носителей адыгейского языка показатель множественного числа *-хе* на сказуемом относительного предложения может маркировать не только множественность абсолютного актанта, как он это делает в независимых предложениях, но и множественность мишени (*sə-zə-fe-kʷa-ve-xe səf-xe-t* [1SG.ABS-REL.IO-BEN-идти-PST-PL человек-PL-OBL] ‘люди, к которым я пошел’). Здесь либо *-хе* функционирует как маркер множественного числа всей именной группы, либо релятивизуемый актант получает возможности абсолютного. Независимо от трактовки этого явления появление *-хе* в таких контекстах нельзя считать характеристикой особой глагольной формы.

Сказуемые относительных предложений и независимые сказуемые иногда противопоставляются по обязательности усечения конечного гласного: у сказуемых независимых предложений последний гласный может быть усечен, а в относительных предложениях такое усечение обычно не допускается (*лерева-ве* / **лерева-в* *čʼale-r* [спотыкаться-PST парень-ABS] ‘споткнувшийся парень’). Однако сохранение конечного гласного не ограничено контекстами относительного предложения, но наблюдается и в независимых предикациях, что делает невозможным использование этого критерия для выделения особых форм причастий.

Таким образом, морфологические характеристики сказуемого относительного предложения не сводятся к контексту релятивизации и не могут служить основанием для выделения форм причастий, противопоставленных финитным

формам. В работе делается вывод, что в адыгейских относительных конструкциях представлено некатегориальное подчинение — подчинение, при котором отсутствуют выраженные элементы, определяющие категорию зависимой части.

Глава 3. Синтаксис адыгейской релятивизации. В адыгейском языке противопоставляются два типа относительных конструкций: полные относительные конструкции, в которых есть семантическая вершина, выступающая в качестве вершины матричной именной группы (*zeč'e-m-jə q-a-ɽ^we-re wered-xe-r* [все-OBL-ADD DIR-3PL.A-говорить-DYN песня-PL-ABS] ‘песни, которые все поют’), и свободные релятивы, в которых именная вершина матричной группы отсутствует (*jatfan-ew qə-q^we-č'ə-ve-m* [пятый-ADV DIR-LOC-уходить-PST-OBL] ‘тот, кто появился пятым’).

В полных относительных конструкциях зависимое предложение предшествует вершине. Семантическая вершина в полной относительной конструкции проявляет явные свойства синтаксической вершины: на ней обязательно маркируются падеж и число всей группы (на сказуемом относительного предложения число маркируется факультативно), к ней же присоединяются определения. Сказуемое относительного предложения может быть инкорпорировано в именной комплекс; в этом случае оно теряет некоторые свойства самостоятельного слова: в нем не происходит регулярное чередование /e/~a/ (ср. конструкции без инкорпорации *ɸ^wa-ve pšaše-r* [идти-PST девушка-ABS] и с инкорпорацией *ɸ^we-ve-pšaše-r* [идти-PST=девушка-ABS], обе со значением ‘ушедшая девушка’).

В свободных релятивах вершина матричной группы — сказуемое относительного предложения: основные категории группы маркируются на нем, оно же принимает определения (*če-re-fəž'ə-r* [бежать-DYN=белый-ABS] ‘бегущая белая’). В работе отвергается возможность постулирования в свободных релятивах нулевой вершины на основании того, что при сочинении свободных релятивов сказуемые всех относительных предложений должны получать падежное маркирование (*mə-šxa-ve-r-jə čəja-ve-r-jə šxa-ve-m-re mə-čəja-ve-m-re qə-pe-če-š't* [NEG-есть-PST-ABS-ADD спать-PST-ABS-ADD есть-PST-OBL-COORD NEG-спать-PST-OBL-COORD DIR-LOC-бежать-FUT] ‘Непоевший и поспавший обгонит поевшего и неспавшего’), в то время как постулирование нескольких нулевых вершин здесь излишне усложняет семантическое представление.

Помимо полной относительной конструкции и свободных релятивов в адыгейском языке представлена конструкция, в которой глагол инкорпорируется в именную комплекс, но следует за определяемым именем (*heč'e-ve-šxa-ve-t* [гость=CAUS-есть-PST-OBL] 'накормленный гость'). Как правило, в этой конструкции выступают результативные формы, хотя некоторые носители разрешают и появление в постпозиции стативных глаголов. Допустимость такой конструкции тем ниже, чем больше у инкорпорированного глагола имеется черт самостоятельной предикации, указывающей на отдельную ситуацию, — независимой временной референции, самостоятельной референции актантов, возможности описывать какие-либо дополнительные аспекты ситуации. В частности, инкорпорированный глагол в этой конструкции не имеет собственных зависимых. С учетом этого, причисление конструкции с постпозитивным глаголом к относительным сомнительно.

Семантическая вершина в адыгейском языке может и не возглавлять матричную группу, но появляться внутри относительного предложения; при этом она маркируется суффиксом так называемого адвербиального падежа *-ew* (*thamate-t qebar-ew q-a-?wete-š'ta-r* [глава-OBL **новость-ADV** DIR-3SG.A-рассказать-FUT-ABS] 'история, которую расскажет вождь'). Подобные *конструкции с вложенной семантической вершиной* структурно не противопоставлены ни полным относительным конструкциям, ни свободным релятивам. Наряду с вложенной семантической вершиной в группе может появляться и внешняя вершина (*zek^weλ-ew ja-qale qe-z-ve-β^wapa-ve λax^wəžə-r* [солдат-ADV POSS-город DIR-REL.A-CAUS-рубеж-PST **герой-ABS**] 'герой-солдат, защитивший свой город'), хотя такие структуры оцениваются как сложные для построения и восприятия. В отсутствие внешней вершины признаками синтаксической вершины группы могут обладать как сказуемое относительного предложения, так и группа, оформленная адвербиальным падежом. В частности, к последней в этом случае обычно присоединяются определения.

Существуют свидетельства в пользу того, что хотя вложенная семантическая вершина получает особое маркирование как зависимый элемент конструкции и линейно обычно располагается внутри относительного предложения, она не входит в область релятивизации. В пользу этого говорят:

(i) ограничения на позицию вложенной вершины — она не может входить в отрезок предикации, включающий элементы, минимально необходимые для интерпретации релятивизации, а именно ядро и составляющие, содержащие носительный префикс;

(ii) возможность выноса группы семантической вершины за сказуемое относительного предложения, если последнее возглавляет нереферентную матричную группу; такой вынос легко допускается в частных косвенных вопросах, оформленных как относительная конструкция (*se s-ŝe-r-ep a-r za-š'a-χ^wə-ve-r ĉəp-ew* [я 1SG.A-знать-DYN-NEG тот-ABS REL.IO-LOC-случаться-PST-ABS место-ADV] ‘Я не знаю (место), где это случилось’);

(iii) способность семантической вершины, находящейся внутри одного относительного предложения, интерпретироваться в качестве семантической вершины относительного предложения, сочиненного с первым, и, таким образом, относиться к обеим предикациям (*blav-ew təv^wəž-ew ĉe-š'tə-ve-m əĵ'ja t^we.ĉ'e-m.ĉ'e za-za-pləhe-š'tə-ve-m* [близкий-ADV волк-ADV бежать-AUX-PST-OBL и туда-сюда RFL.ABS-REL.A-осматривать-AUX-PST-OBL] ‘волк, который бежал близко и смотрел по сторонам’);

(iv) возможность появления в группе семантической вершины кванторов и детерминаторов, определяющих референцию матричной группы и семантически требующих включения в ее композицию после релятивизации (например, *g^wəbatə-pepč-ew he-r za-xe-ceqa-ve-xe-m* [губат-каждый-ADV собака-ABS REL.IO-LOC-кусать-PST-PL-OBL] означает ‘каждый губат (слоеный пирог), который надкусила собака’, но не ‘губаты, каждый из которых надкусила собака’).

В последней части главы рассматривается позиция зависимых предложений относительно других синтаксически автономных (не включенных в именной комплекс) элементов именной группы в полных относительных конструкциях. Числительное ‘один’ обязательно следует за относительным предложением, группа посессора может как предшествовать подчиненному предложению, так и следовать за ним в зависимости от ее грамматических характеристик, позиция прочих определений относительно зависимого предложения также может варьировать, причем допускается даже их линейное расположение внутри относительного предложения при условии невхождения в область релятивизации.

Глава 4. Релятивизируемые позиции. В пределах простого предложения адыгейский язык позволяет релятивизацию всех ролей, которые могут выражаться личными префиксами в какой-либо составляющей, в том числе абсолютного актанта, агенса, не прямых объектов, посессора, объектов послелогов. Для релятивизации некоторых партиципантов, которые в независимых предложениях не индексируются (например, направления движения и причины), в сказуемом относительного предложения создаются *фиктивные* актантные позиции, вводимые аппликативными префиксами, которые вне относительных конструкций такие роли не вводят (ср. *q^waž'-ew s-jə-nəbž'ew^w qə-z-de-k^we-ž'ə-ve-r* [село-ADV 1SG.PR-POSS-друг DIR-REL.IO-LOC-идти-RE-PST-ABS] 'аул, в который вернулся мой друг' при недопустимом независимом предложении **s-jə-nəbž'ew^w jə-q^waž'e qə-Ø-de-k^we-ž'ə-в* [1SG.PR-POSS-друг POSS-село DIR-3SG.IO-LOC-идти-RE-PST] с ожидавшимся значением 'Мой друг вернулся в аул').

Таким же образом строятся конструкции, характеризующие образ действия: относительный префикс вводится аппликативным префиксом *re-*, вероятно, восходящим к аппликативному префиксу инструмента: *a-r ze-re-čəje-š'tə-ve šə.č'e-r* [ТОТ-ABS REL.IO-MNR-спать-AUX-PST манера-ABS] 'то, как он спал; его манера спать'. К этим конструкциям в свою очередь восходят построения, которым в других языках соответствуют конструкции с сентенциальными актантами вроде *r-je-d-ve-ʔ^we-š't xase-m ze-r-je-d-ve-blave-re-r* [DAT-DAT-1PL.A-CAUS-говорить-FUT совет-OBL REL.IO-FACT-DAT-1PL.A-CAUS-близкий-DYN-ABS] 'попросим его сообщить ему, что мы вызываем его на собрание'. Эти конструкции можно считать разновидностью относительных конструкций, в которой релятивизуется факт ситуации, причем соответствующий ему фиктивный актант тоже вводится префиксом *re-*.

Как относительные конструкции можно описывать и разнообразные временные придаточные предложения, в которых в сказуемом появляется префикс *zə-*. Выделяется три типа таких сказуемых: (i) сказуемые с динамическим префиксом, оформленные косвенным падежом и описывающие ситуации, непосредственно предшествующие уже прошедшей ситуации, выраженной главным предложением, или (при использовании вспомогательного глагола *χ^wə-*) продолжавшиеся во время этой ситуации (*č'elejevaž'-ew ʔ^wef s-šə-z-e-χ^wə-m* [учи-

тель-ADV работа 1SG.A-делать=REL.TMP-DYN-случаться-OBL] ‘когда я работал учителем’), (ii) сказуемые без показателей динамичности и времени, маркированные инструментальным падежом и описывающие одновременность и предшествование, если темпоральная референция матричного предложения четко не определена (*qə-zə-wəš’ə-ž’-č’e we wə-qe-k^we-ka-x-ew qə-čə-č’ə-š’t* [DIR-REL.TMP-просыпаться-RE-INS ты 2SG.ABS-DIR-идти-PST-INC-ADV DIR-LOC-выходить-FUT] ‘когда проснется, — окажется, что ты уже приехала’), (iii) сказуемые с показателями времени или суффиксом динамичности, выражающие разнообразные таксисные значения независимо от темпоральной референции главного предложения (*tjeljevjəzwerə-m wə-z-je-plə-ve-m ə-wəž pə-xə-ž’* [телевизор-OBL 2SG.ABS-REL.TMP-DAT-смотреть-PST-OBL 3SG.PP-после LOC-снимать-RE(IMP)] ‘После того, как помотришь телевизор, выключи (его)’).

В этой же главе рассматриваются относительные конструкции с кореферентными актантами одной предикации, по крайней мере один из которых релятивизован. В этих условиях предпочтение в отношении релятивизации отдается актанту, расположенному выше в иерархии АГЕНС > АБСОЛЮТИВ > ДАТИВНЫЙ НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ > НЕДАТИВНЫЙ НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ > ПОСЕССОР АБСОЛЮТИВНОГО АКТАНТА > ПОСЕССОР НЕАБСОЛЮТИВНОГО ПАРТИЦИПАНТА > ОБЪЕКТ ПОСЛЕЛОГА. Кроме того, при наличии нескольких кореферентных актантов может наблюдаться множественная релятивизация — одновременная релятивизация нескольких кореферентных актантов (*a-nah-ew zə-łaq^we jə-z-ka-ne-š’tə-ve-r* [3PL.IO-более-ADV REL.PR-нога LOC-REL.A-CAUS-застрывать-AUX-PST-ABS] ‘тот, кто больше всех упирался’, букв. ‘тот, кто больше всех упирал ноги которого’). При этом, однако, многие носители запрещают множественную релятивизацию, если одна из мишеней — абсолютивный актант (так, *z-jate ə-lev^wə-ve-r* [REL.PR-POSS+отец 3SG.A-видеть-PST-ABS] переводится как ‘тот, чей отец его (кого-то другого) видел’, но не как ‘тот, кого видел его собственный отец’).

Сходное с множественной релятивизацией явление наблюдается при дистантной релятивизации — релятивизации актантов зависимой части полипредикативной конструкции (*bəv^wə-psew zə-šxə-n zə-ləč’ə-š’tə-r* [бык=целый REL.A-есть-MOD REL.A-мочь-FUT-ABS] ‘тот, кто сможет съесть быка’). В этом случае у многих носителей появляется требование релятивизации сверху: релятивизация

партиципанта вложенной предикации должна сопровождаться релятивизацией какого-либо кореферентного партиципанта верхней предикации в относительном предложении. Если таковой исходно в глаголе не предусмотрен, допускается или переосмысление одного из уже имеющихся актантов как кореферентного (*qebar-ew neʔ^wase š^wə-z-fe-s-šə-n-ew sə-zə-fa.je-r* [новость-ADV знакомый 2PL.ABS-REL.IO-BEN-1SG.A-делать-MOD-ADV 1SG.ABS-REL.IO-хотеть-ABS] ‘новость, с которой я хочу вас познакомить (букв.: которую я хочу с которой вас познакомить)’), либо введение фиктивного кореферентного актанта (*pšaš-ew sə-z-e-pλ-ze sə-z-fə-λerewa-ke-r* [девушка-ADV 1SG.ABS-REL.IO-DAT-смотреть-CNV 1SG.ABS-REL.IO-BEN-спотыкаться-PST-ABS] ‘девушка, смотря на которую, я споткнулся (букв.: я споткнулся для которой)’). Возможное при этом множественное маркирование мишеней следует отличать от множественной релятивизации, поскольку оно не следует ограничениям, выявленным для последней. Кроме того, более свободное расположение вложенной вершины при дистантной релятивизации указывает на то, что она предполагает две отдельные операции релятивизации — одну, касающуюся актанта вложенной предикации, и другую, затрагивающую актанта верхней предикации.

Глава 5. Диалектная вариативность адыгейской релятивизации (на примере шапсугского диалекта). В диалектах адыгейского языка относительные конструкции могут выглядеть иначе, чем в литературном адыгейском. В этой главе представлены данные диалекта причерноморских шапсугов.

Относительные конструкции шапсугского диалекта обнаруживают ряд особенностей:

- имеется префикс динамичности *re-*, который появляется как в сказуемых независимых предложениях, так и факультативно в сказуемых зависимых предложениях (в том числе относительных); суффикс динамичности в сказуемых относительных предложениях тоже факультативен (*(re-)bəbə(-re) bʒəwe-r* [(DYN-)летать(-DYN) птица-ABS] ‘летающая птица’);
- сказуемое относительного предложения в полных относительных конструкциях может оформляться падежом матричной именной группы (*tʰe-m tʰa-te-m wəne-m se-šə-ʔ* [гора-OBL LOC-стоять-OBL дом-OBL 1SG.ABS-LOC-быть] ‘Я живу в доме, располагающемся на горе’);

- линейно вложенная семантическая вершина может быть немаркирована (*txe-m wəne ta-te-m se-šə-ʔ* [гора-OBL дом LOC-стоять-OBL 1SG.ABS-LOC-быть] ‘Я живу в доме, располагающемся на горе’) или даже маркирована «внешним падежом» — падежом матричной именной группы (*sadikə-m-g'e medsestra-r ʔʷefə zə-da-ʔa-če-re-r nəbžəče* [детский.сад-OBL-INS медсестра-ABS работа REL.IO-COM-LOC-1SG.A+делать-DYN-ABS молодой] ‘Медсестра, с которой я работала в детском саду, — молодая’);
- последовательно выполняется запрет на релятивизацию посессора неабсолютного партиципанта (хотя в определенных условиях это ограничение может быть нарушено).

Особенности шапсугских относительных конструкций косвенно подтверждают выводы, сделанные ранее в работе для литературного адыгейского языка и темиргоевского диалекта. В частности, факультативность суффикса динамичности указывает на то, что его действительно нельзя считать образующим формы причастия, а возможность оформления линейно вложенной вершины внешним падежом коррелирует с фактами, свидетельствующими о том, что она не входит в область релятивизации.

Глава 6. Типологическая перспектива. Исследование нетривиальных характеристик адыгейской релятивизации требует привлечения более широкого типологического контекста. В этой главе дается обсуждение ряда типологических тем, непосредственно связанных с предложенным ранее описанием адыгейского материала.

В разделе «Некатегориальное подчинение в релятивизации» обсуждаются конструкции, в которых нет формальных элементов, указывающих на подчинение (союзов, нефинитных форм или особого маркирования в матричном предложении). В связи с определением некатегориального подчинения специально подчеркивается, что его противопоставление категориальному подчинению иногда проблематично и напрямую зависит от выбираемой исследователем трактовки тех или иных фактов. В качестве примера некатегориального подчинения разбирается относительная конструкция в удинском языке (нахско-дагестанская семья), которая показывает, что подчиненная предикация и при некатегориальном подчинении не должна обладать всеми свойствами незави-

симого предложения (в удинских относительных конструкциях, в частности, происходит нейтрализация ряда видо-временных противопоставлений). Изменения, происходящие с относительными предложениями по сравнению с независимыми, относятся к одному из трех типов: (i) исчезновение признаков независимого предложения (например, исчезновение выражения некоторых грамматических значений, отсутствие некоторых именных групп), (ii) изменение грамматических признаков предложения (например, нестандартный порядок слов, нестандартное выражение таких значений, как отрицание), (iii) появление в предложении дополнительных грамматических признаков по сравнению с независимым предложением (по-видимому, в чистом виде редко наблюдаемое явление, к которому, однако, можно отнести введение фиктивных актантов в адыгейском языке). Конструкция с некатегориальным подчинением внутри языка может развиваться тремя способами: через грамматикализацию структуры, подразумевающей паратаксис — формальное отсутствие подчинения, через опущение показателя, через расширение сферы употребления нефинитных форм на независимые предложения, затемняющее противопоставление грамматических контекстов по финитности.

В разделе «Инкорпорация релятивного сказуемого», прежде всего, предлагается понимание инкорпорации как типологически неоднородного процесса, предполагающего фонологическую, морфологическую и/или синтаксическую неполноценность инкорпорируемого. Постулируемая для адыгейского языка инкорпорация вершины синтаксической группы (в данном случае сказуемого относительного предложения), не затрагивающая ее зависимые, не уникальна, поскольку сходные процессы наблюдаются и в некоторых других полисинтетических языках, например, в вакашских. Впрочем, с учетом широкого понимания инкорпорации под этим ярлыком становится возможным описать относительные конструкции в самых разных языках, причем не только полисинтетических (в работе в связи с этим обсуждаются данные кушитского языка алааба и тантынского диалекта нахско-дагестанского даргинского языка). В самих абхазо-адыгских языках представлена еще одна относительная конструкция с инкорпорацией сказуемого зависимого предложения: в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка в конструкции с инкорпорированным постпозитивным

глаголом сняты ограничения на формы глагола и наличие зависимых элементов (*mə psə-m šə-r šex^we-š'ə-z-be.psč'-a-r* [этот вода-OBL лошадь-ABS табунщик=LOC-REL.A-купать-PST-ABS] 'конюх, искупавший лошадь в этой реке').

В разделе «Относительные конструкции с вложенной вершиной: общие вопросы» обсуждается теоретический статус и распространенность конструкций с вложенной семантической вершиной. В частности, указывается на то, что встречаемое в литературе представление о жестком противопоставлении таких построений прочим относительным конструкциям является ложным: во-первых, отсутствуют очевидные основания жестко противопоставлять конструкции с вложенной семантической вершиной и конструкции с резюмтивными местоимениями — неотносительными местоимениями, возникающими в позиции мишени; во-вторых, во многих языках мира, как и в адыгейском, допустимы конструкции, в которых есть как вложенная, так и внешняя семантические вершины. В литературе высказывались предположения о корреляциях между наличием в языке относительной конструкции с вложенной вершиной и порядком слов (левым ветвлением), вершинным маркированием и морфологическим выражением актантов, необязательностью выноса вопросительных местоимений в частных вопросах. Ко всем этим соответствиям ранее были предложены контрпримеры; тем не менее они, возможно, могут быть сформулированы как фреквенталии. Адыгейский язык характеризуется всеми типологическими характеристиками, на связь которых с относительными конструкциями с вложенной вершиной указывалось в литературе. Кроме того, в разделе подчеркивается, что подобные конструкции зафиксированы не только в адыгейском, но и в других абхазо-адыгских языках.

В разделе «Позиция вершины и референция матричной именной группы» продемонстрировано разнообразие конструкций с вложенными семантическими вершинами и конструкций с внешними вершинами (идея этого раздела основывается на исследованиях Ф. Ландмана и А. Гросу). Относительные конструкции могут отличаться по степени морфосинтаксической и семантической спаянности семантической вершины и относительного предложения. Максимальную спаянность обнаруживают японские конструкции с вложенной вершиной, в которой она интерпретируется внутри относительного предложения.

В некоторых языках (например, в сиуанском языке лакота), как и в адыгейском, семантическая вершина может формально располагаться внутри относительного предложения, а интерпретироваться вне области релятивизации. Конструкции с внешней вершиной тоже обнаруживают разную степень спаянности: например, нерестриктивные конструкции спаяны меньше, чем рестриктивные. В разделе также приведены примеры гибридных конструкций, в которых семантическая вершина проявляет свойства как вложенной, так и внешней: помимо обсуждавшейся ранее шапсугской конструкции с вложенной вершиной, оформленной внешним падежом, к ним могут быть отнесены случаи инвертированной падежной атракции и некоторые другие.

По-видимому, чем больше спаянность семантической вершины и относительной предикации, тем больше релятив влияет на референцию именной группы. Наибольшую спаянность (внутри языка) обнаруживают конструкции, в которых относительное предложение не только ограничивает референцию именной группы, но и устанавливает ее; такие именные группы характеризуются определенностью. Наименьшую спаянность показывают нерестриктивные конструкции, которые не влияют на референцию матричной группы. Гипотеза о связи степени спаянности и семантической функции релятива объясняет, в частности, то, что относительные конструкции с вложенной вершиной и гибридные конструкции всегда рестриктивны, и даже то, что вложенные семантические вершины в адыгейском языке легче выносятся за сказуемое относительного предложения, когда они менее влияют на референцию матричной группы.

В разделе «Множественная релятивизация» приводятся данные о конструкциях, в которых имеется несколько мишеней релятивизации или, наоборот, несколько антецедентов. Такие построения описывались и ранее, в частности, для индоарийских коррелятивных конструкций, английских конструкций с выносом относительного предложения и японских конструкций с вложенной вершиной. Все они, однако, не предполагали кореферентности между множественными мишенями и/или антецедентами; более того, в литературе эксплицитно (Э. Кинэном) запрещалась множественная релятивизация, основанная на кореферентности. В то же время одновременная релятивизация нескольких кореферентных мишеней задокументирована для всех живых абхазо-адыгских языков,

а возможно, наблюдается и в другой кавказской семье, нахско-дагестанской. Кроме того, с такой множественной релятивизацией может быть сопоставлено явление, описанное в работах Э. Энгдаль, П. Куликовера, П. Постала и других под наименованием «паразитические пробелы», когда в конструкции есть несколько внешне незаполненных структурных позиций (пробелов), получающих кореферентную интерпретацию (ср. английское предложение *This is a kind of food you must cook __ before you eat __*), причем считается, что эти позиции не равноправны и одни пробелы получают референцию за счет других. Впрочем, абхазо-адыгская множественная релятивизация не сводится к этому явлению, поскольку она возможна и в пределах одной словоформы, когда релятивизируются равноправные роли (ср. адыгейский пример *sə-zə-fə-zə-de-wəpç'ate-š'tə-ke-r* [1SG.ABS-REL.IO-BEN-REL.IO-COM-рубить-AUX-PST-ABS] 'тот, для кого я рубил вместе с ним самим').

Раздел «Дистантная релятивизация» посвящен релятивизации актантов зависимых предложений в полипредикативных конструкциях. Специально рассматриваются языки, в которых дистантная релятивизация может влиять на оформление верхней предикации в структуре, содержащей мишень, — турецкий, тагальский, малагасийский, чаморро, палау, томпсон, марикопа, абхазский и кельтские языки. На основании данных этих языков выделяются три параметра, существенных для типологии дистантной релятивизации: (i) изменение/неизменение синтаксических отношений между вложенной и верхней предикациями; (ii) наложение на морфосинтаксис верхней предикации ограничений, связанных с ролью мишени (полное или частичное маркирование релятивизируемой роли в верхней предикации); (iii) наложение на морфосинтаксис вложенной предикации ограничений, связанных с ролью мишени (полное или частичное маркирование релятивизируемой роли во вложенной предикации). Применение этих параметров позволяет исчислить восемь типов дистантной релятивизации, из которых лишь некоторые представлены в использованной языковой выборке, отчасти из-за ее скудности. Любопытно, что адыгейская дистантная релятивизация относится к тому же типу (характеризуемому сохранением синтаксических отношений между вложенной и верхней предикациями, но изменением морфосинтаксиса обеих), что и дистантная релятивизация в австронезийских языках

вроде тагальского, с которыми адыгейский обнаруживает и другие типологические сходства (например, в слабом противопоставлении имен и глаголов).

В Заключении подводятся итоги исследования. Важнейшие результаты работы, касающиеся адыгейского языка, состоят в следующем:

- показано, что ряд представлений об относительных конструкциях в адыгейском языке нуждаются в корректировке: в первую очередь это касается распространенного в литературе описания форм сказуемых относительных предикаций как причастий; на взгляд автора, введение категории причастия в адыгейскую грамматику излишне, а синтаксические отношения между относительным предложением и синтаксической вершиной в адыгейских именных группах могут быть охарактеризованы как некатегориальное подчинение;
- представлено описание синтаксиса адыгейских относительных конструкций, произведена их классификация; особое внимание уделено относительным конструкциям с вложенной вершиной, для которых впервые были описаны некоторые специфические свойства, указывающие на то, что семантическая вершина не входит в область релятивизации;
- описаны роли, способные выступать мишенями релятивизации; выявлены конструкции с релятивизацией ролей, в независимых предложениях как актанты не выражаемых (например, факт, время, направление);
- задокументированы особенности относительных конструкций, наблюдаемые в одном из говоров шапсугского диалекта адыгейского языка, где обнаружены относительные конструкции, которые не были зафиксированы ранее для абхазо-адыгских языков и представляют особый типологический интерес.

Кроме того, в ходе исследования была установлена связь между некоторыми особенностями относительных конструкций адыгейского языка и такими его явными или предполагаемыми типологическими характеристиками, как особое функционирование морфологии, способность морфологических индексов самостоятельно устанавливать референцию актантов, слабое противопоставление имени и глагола.

Наиболее существенные результаты, связанные с типологией относительных конструкций, таковы:

- представлено понятие некатегориального подчинения, описаны возможные пути его развития;
- в развитие идей Ф. Ландмана и А. Гросу высказана гипотеза о корреляции между степенью морфосинтаксической и семантической спаянности относительного предложения и семантической вершины и влиянием относительного предложения на референцию матричной именной группы;
- предложены параметры для исчисления типов дистантной релятивизации.

Публикации

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

— в изданиях, включенных в Перечень ведущих периодических изданий ВАК

Минобрнауки РФ:

1. Ландер Ю.А. Рец.: Evans, N. (2003), *Vininj Gun-wok: A pan-dialectal grammar of Mayali, Kunwinjku and Kune* // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 133—137. (0,5 п.л.)
2. Ландер Ю.А., Тестелец Я.Г. Рец.: Кабардино-черкесский язык // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 134—138. (0,5 а.л.)
3. Ландер Ю.А. Подходы к полисинтетизму // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Языкознание. № 11(73)/11. (Московский лингвистический журнал. Т. 13.) С. 102—126. (1,6 п.л.)

— в прочих изданиях:

4. Ландер Ю.А. О маркированности адыгейского "причастного" показателя -ге: упражнения в дискурсивных обоснованиях Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2005. С. 210—214. (0,3 п.л.)
5. Ландер Ю.А., Тестелец Я.Г. О типологических «двойниках» адыгской языковой структуры // V Международная конференция «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: Материалы конференции / Отв. ред. Б.М. Берсиров. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2005. С. 103—107. (0,3 п.л.)

6. Ландер Ю.А. «Прономинальные аргументы» и «адьюнктные именные группы» в адыгейском языке // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей / Ред. А.П. Выдрин и др. СПб.: Наука, 2005. С. 90—95. (0,3 п.л.)
7. Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. Вариативность и адыгейский язык (особенности полевой работы в условиях полисинтетизма) // II Международный симпозиум по полевой лингвистике. Материалы / Ред. М.Е. Алексеев и др. М.: Институт языкознания РАН, 2006. С. 39—43. (0,2 п.л.)
8. Ландер Ю.А., Сумбатова Н.Р. Адыгейские отрицания // Кавказский лингвистический сборник. Вып. 18 / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М.: Academia, 2007. С. 77—103. (1,7 п.л.)
9. Короткова Н.А., Ландер Ю.А. Логика полисинтетической словоформы: адыгейский материал // Контенсивная типология естественных языков. Материалы международной научно-практической конференции языковедов. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2007. С. 87—89. (0,2 п.л.)
10. Ландер Ю.А. К вопросу о «причастиях» и «причастных конструкциях» в удинском языке // Материалы Первого Международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2007. С. 377—380. (0,2 п.л.)
11. Короткова Н.А., Ландер Ю.А. Синтагматика vs парадигматика в морфологии: выражение времени и модальности в адыгейском языке // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы / Д.В. Герасимов и др. (ред.) СПб.: Нестор-История, 2007. С. 108—112. (0,2 п.л.)
12. Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // Исследования по глагольной деривации / Ред. В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 290—313. (1,1 п.л.)
13. Ландер Ю.А. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Отв. ред. М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак. М.: Academia, 2008. С. 54—95. (1,8 п.л.)
14. Ландер Ю.А., Даниэль М.А. О некоторых особенностях относительной конструкции в дагестанских языках // Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи. Материалы Международной научной конференции.

- 14—16 октября 2008 г. / Отв. ред. М.И. Магомедов. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2008. С. 245—251. (0,3 п.л.)
15. Аркадьев П.М., Ландер Ю.А., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка* / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. С. 17—120. (6,5 п.л.)
16. Ландер Ю.А. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка* / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. С. 612—653. (1,9 п.л.)
17. Lander Yu. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* / Ed. F. Floricic. Lyon: ENS éditions, 2010. P. 287—311. (2,1 п.л.)
18. Lander Yu., Letuchiy A. Kinds of recursion in Adyghe morphology // *Recursion and Human Language* / Ed. H. van der Hulst. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2010. P. 263—284. (1,2 п.л.)
19. Lander Yu. Relativization in Shapsug Adyghe // *Rice Working Papers in Linguistics. Vol. 2*. P. 75—91. (1,1 п.л.)
20. Lander Yu. 2010. Book notice on Colarusso, J. (2006), *Kabardian (East Circassian)* // *ELanguage*, September 25th, 2010. (0,1 п.л.)
21. Korotkova N., Lander Yu. Deriving affix ordering in polysynthesis: Evidence from Adyghe // *Morphology. Vol. 20, No. 2*. P. 299—319. (1,1 п.л.)
22. Ландер Ю.А., Меретукова З.Б. Семантическая сопряженность и атрибутивные конструкции (андийские языки, адыгейский язык) // *Андийские языки среди языков народов Дагестана. Материалы научно-практической конференции языковедов (6—8 июня 2011 года)* / Отв. ред. П.А. Магомедова. Махачкала, 2011. С. 47—52. (0,5 п.л.)
23. Daniel M., Lander Yu. The Caucasian Languages // *The Languages and Linguistics of Europe: a Comprehensive Guide. (The World of Linguistics. Vol. 1.)* / Eds. J. van der Auwera, B. Kortmann. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. P. 125—157. (2,1 п.л.)
24. Ландер Ю.А. Синтаксические острова и относительные конструкции в северокавказских языках: предварительные наблюдения // *Когнитивная парадигма языкового сознания в современной лингвистике: Материалы Международной*

- научной конференции 13—14 октября 2011 года. Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 2011. С. 101—106. (0,3 п.л.)
25. Аркадьев П.М., Ландер Ю.А. Адыгейская лингвистическая экспедиция 2010 года: итоги и выводы // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение. Вып. VII. М.: Издательство РГГУ, 2011. С. 179—194. (0,6 п.л.)